

ИРИНА ПЕТРОВНА НОВАК

кандидат филологических наук, старший научный сотрудник сектора языкознания Института языка, литературы и истории
Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Федеральный исследовательский центр «Карельский научный центр Российской академии наук»
(Петрозаводск, Российская Федерация)
ORCID 0000-0002-9436-9460; novak@krc.karelia.ru

СУЖАЮЩИЕСЯ ДИФТОНГИ В ДИАЛЕКТНОЙ СИСТЕМЕ КАРЕЛЬСКОГО ЯЗЫКА

А н н о т а ц и я. Представлены результаты одного из этапов исследования диалектной системы карельского языка. В качестве предмета анализа выступили сужающиеся дифтонги на *i* ударного и заударных слогов слова. Источником материала для применения методики кластерного анализа послужили данные соответствующих разделов диалектной базы карельского языка «Murreh», в основной массе представляющие собой оцифрованные рабочие материалы «Диалектологического атласа карельского языка» (1997). В процессе работы было произведено семь кластеризаций, отражающих рефлексы прибалтийско-финских сужающихся дифтонгов в говорах всех наречий карельского языка: в положении перед сочетаниями согласных *sk / šk, st / št* (в ударном слоге и в безударном слоге в глагольных словоформах), в именах, образованных с помощью словообразовательного суффикса **-ise-* (в начальной форме, в форме партитива единственного числа и в остальных косвенных падежах), в положении перед показателем стяженных глаголов *-ta / -tä*, а также на конце именных и глагольных словоформ с дифтонгом *oi / öi*. По каждой из рассмотренных позиций производится сравнение с материалами вепских, ижорских и восточных финских диалектов, а также с данными ранних памятников карельской письменности, что позволяет проследить историю сложения диалектных различий. На сводной кластерной карте представлены изоглоссы диалектно-дифференцирующего явления, разделившие говоры карельского языка на шесть основных ареалов: северные собственно карельские говоры, южные собственно карельские говоры, ливвиковские говоры, группа переходных между собственно карельскими и ливвиковскими говорами, группа людиковских говоров (без михайловских) и группа михайловских людиковских говоров. Результаты проведенного исследования в дальнейшем будут использованы в процессе доработки диалектной классификации карельского языка.

Ключевые слова: карельский язык, диалектология, лингвистическая география, диалектометрия, кластерный анализ, вокализм, сужающиеся дифтонги

Б л а г о д а р н о с т и. Работа выполнена в рамках бюджетного финансирования КарНЦ РАН (тема № 124022000089-4).

Д л я ц и т и р о в а н и я: Новак И. П. Сужающиеся дифтонги в диалектной системе карельского языка // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2024. Т. 46, № 3. С. 21–27. DOI: 10.15393/uchz.art.2024.1020

ВВЕДЕНИЕ

Гласные карельского языка по однородности артикуляции подразделяются на монофтонги, дифтонги и трифтонги. Обильная дифтонгизация относится к одной из основных фонетических особенностей, выделяющих карельский на фоне всех остальных прибалтийско-финских языков. Дифтонги в карельских наречиях не только выступают в основе слова, но и активно образуются в процессах словоизменения и словообразования. Согласно Х. Лескинену, диалекты древнекарель-

ского языка к моменту массовых переселений карелов уже обладали устоявшейся системой дифтонгов [11: 379], однако в ходе развития в карельских говорах в ней сформировался целый комплекс диалектных различий.

Дифтонги – сложные гласные, состоящие из двух элементов: слогового и неслогового [8]. По структуре дифтонги карельского языка можно разделить на две группы: сужающиеся, первый член которых характеризуется большей степенью раствора, и расширяющиеся, первый член которых, наоборот, характеризу-

ется меньшей степенью раствора. Наибольшее число диалектных различий обнаруживает система расширяющихся дифтонгов, чему уделено внимание в ряде работ по карельской диалектологии. В них же авторы затрагивают и некоторые диалектные особенности системы сужающихся дифтонгов [1], [14], [15].

В ходе настоящего исследования планируется обработать материалы разделов диалектной базы карельского языка «Murtteh»¹, отражающие рефлексии прибалтийско-финских праязыковых сужающихся дифтонгов на *i* ударного и заударных слогов, с применением диалектометрической методики кластерного анализа, хорошо зарекомендовавшей себя в процессе решения вопросов карельской диалектологии [6], [7]. Визуализируемые в виде кластерных карт результаты анализа позволят провести изоглоссы диалектно-дифференцирующего фонетического явления.

МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДИКА ИССЛЕДОВАНИЯ

Исследование основано на оцифрованных данных «Программ по собиранию материала для диалектологического атласа карельского языка»². Вопросники были заполнены в 1937–1973 годах в ходе организованной Д. В. Бубрихом работы над «Диалектологическим атласом карельского языка» (1997) в населенных пунктах Карелии и Тверской (Калининской) области. В общей сложности речь идет о более чем 200 программах. Кроме того, из материалов «Открытого корпуса вепсского и карельского языков»³ были выбраны аналогичные диалектные данные по тихвинскому, валдайскому и кондушскому говорам карельского языка, а также по трем говорам северновепсского и средневепсского диалектов вепсского языка.

Сужающимся дифтонгам посвящены два раздела базы данных:

- «Сохранение *i* в дифтонге в первом слог», 9 вопросов;
- «Сохранение *i* в дифтонге во втором и третьем слог», 56 вопросов.

Кластеризация отобранного по определенным параметрам диалектного материала проводится иерархическим методом полной связи в совокупности с итеративным методом *k*-средних. Для описания и дальнейшего анализа отбираются наиболее высокие шаги кластеризации, что позволяет получить максимально четкое представление об ареалах распространения членов междиалектных соответствий.

СУЖАЮЩИЕСЯ ДИФТОНГИ УДАРНОГО СЛОГА

Сужающиеся дифтонги ударного слога (в том числе дифтонги со вторым компонентом

в виде гласного *i*) восходят к прибалтийско-финскому праязыку, в котором они сформировались в ходе вокализации отдельных согласных звуков [8: 38]. Рефлексы этих дифтонгов представлены в современных говорах карельского языка довольно единообразно. Диалектные различия обнаруживает лишь представительство дифтонгов на *i*, выступающих в положении перед согласным *s* / *š*, находящимся в глухой фонетической позиции (в составе сочетаний согласных *sk* / *šk*, *st* / *št*). Изоглосса данного междиалектного соответствия прошла между собственно карельскими и самыми северными ливвиковскими говорами Вохтозеро (62), Сяпчезеро (63) и Титнаволоок (64), с одной стороны, напр., *kolmetoista* / *kolmetoišta* ‘тринадцать’, *laiska* / *laiška* ‘ленивый’, *eisty* / *eišty* ‘двигает’, *paistau* / *paištau* ‘печет’, *muistau* / *muištau* ‘помнит’, и ливвиковскими, людиковскими и вепскими говорами в совокупности – с другой, напр., *kolmetostu* / *kolmetoštu* / *kolmetoš*, *lasku* / *laš* / *lašku*, *pastau* / *paštau*, *muštau* / *mušt*⁴.

Памятники письменности середины XVII века демонстрируют сохранение второго компонента сужающимися дифтонгами ударных слогов в собственно карельских записях, напр., *náũca* ‘пеки’, *muĩca* ‘помни’, в отличие от текстов карельско-вепских заговоров, напр., *naũtama* III инф. илл. от ‘печь’⁵ [4], [5], [9].

СУЖАЮЩИЕСЯ ДИФТОНГИ ЗАУДАРНЫХ СЛОГОВ

В позиции далее ударного слога сужающиеся дифтонги на *i* проявляются в нескольких основных позициях, при этом изоглоссы по каждой из них отличаются друг от друга.

В начальных формах имен, образованных с помощью словообразовательного суффикса *-ine* / *-ini* (*-ise-), присоединение которого к основе слова изначально вызывало образование сужающегося дифтонга, в ряде говоров карельского языка в процессе развития произошла утрата его второго компонента. Кластеризация соответствующих данных диалектной базы распределила анализируемые говоры на четыре группы⁶:

1) группа собственно карельских говоров Средней Карелии и Центральной России, а также тулмозерские ливвиковские говоры, в которых представлено выпадение второго компонента дифтонга, напр., *myöhäne* / *myöhäni* ‘поздний’, *kuldane* / *kuldani* ‘золотой’, *enzimäne* / *enzimäni* ‘первый’, *harakkane* / *harakkani* ‘сорока’;

2) северные собственно карельские говоры (ребольские, ругозерские и расположенные севернее говоры), которым свойственна утрата второго компонента дифтонга в позиции второго (безударного) слога, но его сохранение в позиции третьего (с второстепенным ударением) слога: *myöhäne / myöhäni, kultani / kuldani / kuldane, ensimäine / enšimmäini / enšimmäini / enšimäine, harakkaini / harakkaine*;

3) кластер ливвиковских (без тулмозерских) и людиковских (без михайловских) говоров, сохранивших дифтонг: *myöhäine, kuldaine, enzimäine, harakkaine*;

4) севернолюдиковский говор Лижмозеро (59) и михайловские говоры Устья (4) и Михайловского (5), в которых произошла монофтонгизация сужающихся дифтонгов (переход в долгие гласные): *myöhääne, kuldaane, ezmääne, harakkaane*.

В косвенных падежах перед суффиксом *-ise- / -ize- / -iže- (*-ise-)* представлена несколько отличная ситуация⁷:

1) кластер, характеризующийся утратой второго компонента дифтонга, из соответствующей группы предыдущей кластеризации расширился за счет присоединения юго-западной половины ливвиковских говоров, напр., *kuldazet / kuldažet* ‘золотые’, *enzimäzet / enšimäzet / endžimäzet* ‘первые’, *harakkazet / harakkažet* ‘сороки’;

2) северный собственно карельский кластер совпал с соответствующей группой с предыдущей кластеризации. В этих говорах сохранение / выпадение гласного *i* зависит от положения дифтонга в слове (второй или третий слог): *kuldazet / kultaset*, но *enzimäized / enšimäized / enšimäiset, harakkaizet / harakkaiset*;

3) северо-восточные ливвиковские и основная масса людиковских говоров, сохранивших дифтонги: *kuldaizet / kuldažet, enzimäzet / enšimäzet / endžimäžet, harakkaizet / harakkaižet*;

4) совпавшая с предыдущей кластеризацией группа, обнаруживающая монофтонгизацию дифтонгов: *kuldaazet / kuldaažid, ezmääzed, haragaazed / harakkaažed*.

В форме партитива единственного числа, напротив, не подверженный изменениям дифтонг представлен в основной массе собственно карельских говоров (кроме ряда говоров Центральной России), напр., *kultaista / kuldaista / kullaista* парт. ед. ч. от ‘золотой’, *enšimmäistä / enšimmäistä / ensimmäistä* парт. ед. ч. от ‘первый’, *harakkaista* парт. ед. ч. от ‘сорока’, тогда как утрата его второго компонента обнаружена в ливвиковских (кроме самых северных

Вохтозеро (62, смз.), Сяпчезеро (63, смз.), Титнаволок (64, смз.)), людиковских (как и в вепсских), а также в валдайском, держанском, весьегонских и юго-западных толмачевских собственно карельских говорах: *kuldastu / kuldaštu / kuldašt / kuldast / kuldašte / kullastu / kuldasta / kullas't'a, enzimästy / enšimäisty / ezmäšt / ezmäšt / ezimäšte, harakkastu / harakaštu / harakkašt / haragast / harakkašte*⁸.

Схожая картина⁹ сформирована модулем кластеризации и по поведению **сужающихся дифтонгов на *i***, выступающих в позиции **перед согласным *s* в глагольных словоформах**:

1) в собственно карельских говорах Карелии дифтонг в большинстве случаев сохраняется, напр., *hil'l'aistuu* ‘утихает’, *eloistau* ‘играет’, *illaistau* ‘ужинает’, *myöhäistyy / myöhäštyy* ‘опаздывает’;

2) в ливвиковских, людиковских и собственно карельских говорах Центральной России второй гласный компонент дифтонга выпадает: *hil'l'astau / hil'l'aštou, elostau / eloštou, illastau / ildastau / ildaštou / illaštou, myöhäistyy / myöhäštyy*.

В прочих позициях, например **перед показателем стяженных глаголов *-ta / -tä***¹⁰, сужающийся дифтонг представлен исключительно в людиковских (без Пряжи (40)) и вепсских говорах (*avaita / avaitta* ‘открыть’), при этом в михайловских говорах вновь обнаружен переход дифтонга в долгий *aa* (*avaata*). В ливвиковских и собственно карельских говорах, наоборот, произошла утрата дифтонгами второго компонента (*avata*).

В текстах ранних памятников карельской письменности зафиксировано отсутствие второго компонента сужающегося дифтонга на *i* в позиции перед суффиксом *-ne* в собственно карельских словниках, напр., *Пакъкана* ‘мороз’, *Кюльлане* ‘сытый’ в источнике 1668 года, *“ва”га”не* ‘старенький’ в источнике 1667 года [4], [9]. В то время как карельско-вепсские заговоры, наоборот, демонстрируют его сохранение во всех позициях, кроме партитива единственного числа: *кулдайжет* ‘золотые’, *равдайне* ‘железный’, *кезаяижен* ‘летнего’, но *кулдаитъ* парт. ед. ч. от ‘золотой’, *наштен* парт. ед. ч. от ‘женщина’ [5]. В говорах восточных диалектов финского языка также возможна утрата второго компонента сужающимися дифтонгами [12]. Ижорские же говоры в основной своей массе изменение не обнаруживают [3: 92–93].

В заударной позиции обращает на себя внимание также поведение **сужающихся дифтонгов *oi / öi***, сохранившихся на конце начальных форм

имен и словоизменительных (имперфектных) основ глаголов лишь в ливвиковских и северных людиковских говорах, напр., *keroi* ‘горло’, *reboi* ‘лиса’, *taloï* ‘дом’, тогда как в собственно карельском наречии дифтонги утратили второй компонент: *kerø, repo / rebo, talo*. Для южных говоров людиковского наречия характерна трифтонгизация первоначальных дифтонгов до *uoi / yöi* (*keruoi, rebuoi, taluoi*) или их дальнейшее сокращение до *uo / yö* (*rebuo, taluo*, но *kerø*), тогда как в михайловских говорах вновь прослеживается монофтонгизация (*keruu, rebuu, taluu*)¹¹.

Материалы обоих собственно карельских памятников также демонстрируют здесь утрату дифтонгом второго компонента, напр., *rebo* ‘лиса’, тогда как источник карельско-вепского происхождения – его сохранение, напр., *kandou* ‘отнес’, *andou* ‘дал’ [4], [5], [9]. Сохранение дифтонга *oi* конца слова характерно для восточных диалектов финского [10], [12] и для ижорского языка [3: 87], а также средневепских говоров вепского языка [13: 180].

СВОДНАЯ КЛАСТЕРИЗАЦИЯ

Описанное в рамках настоящей статьи диалектное представительство сужающихся дифтонгов на *i* в говорах карельского языка является результатом былого противостояния двух отличных систем: древневепской, в которой дифтонг исчез в позиции перед переднеязычным щелевым согласным **s*, но сохранился во всех остальных позициях [2: 33], и древнекарельской, для которой изначально было характерно сохранение дифтонгов во всех позициях, на что указывает их представительство в ижорских говорах и частично в восточных диалектах финского языка. Древневепский язык оказал решающее влияние на сложение древнелюдиковского наречия, результатом чего является практически идентичная система сужающихся дифтонгов в их современных говорах. Явления монофтонгизации и трифтонгизации в отдельных людиковских говорах, очевидно, следует относить к поздним инновациям.

Тенденция к утрате второго компонента ударными сужающимися дифтонгами восходит к периоду функционирования как минимум древнекарельского языка, но не исключается и возможность ее прибалтийско-финских корней [11: 380–381]. Очевидно, переход неравномерно был представлен уже в древнекарельских диалектах. Так, исходя из распространения явления в современных собственно карельских и восточных финских говорах, можно сделать вывод, что в первую

очередь выпадение гласного *i* затронуло позицию абсолютного конца слова, затем оно распространилось на прочие позиции (кроме положения перед щелевым согласным, поддерживаемым ситуацией ударного слога), а уже в последнюю очередь – на позицию перед **s* и его рефлексами. Видимо, в положении перед развившимся шипящим согласным утрата гласного *i* произошла раньше, тогда как в позиции перед свистящим согласным дифтонг максимально долго сохранялся в неизменном виде.

В процессе сложения древнеливвиковского наречия в результате перекрестного влияния древнекарельской и древневепской систем в позиции перед щелевым согласным и на конце слова закрепился вепский вариант [13: 35], а в западных говорах выпадение второго компонента дифтонга распространилось и на прочие позиции.

Наличие древнекарельских диалектных особенностей не могло не сказаться на современном представительстве анализируемого явления. Кроме того, после массовых переселений на новых территориях в результате взаимного влияния отличных систем могли также развиваться новые диалектные различия, к которым, например, следует отнести носящие явный инновационный характер явления трифтонгизации и монофтонгизации людиковских говоров.

На сводной кластерной карте (рисунок), основанной на семи проведенных в ходе настоящего исследования кластеризациях, представлено шесть ареалов по анализируемому явлению:

1) северные собственно карельские говоры (ребольские, ругозерские и говоры, расположенные севернее, – светло-серый кластер), характеризующиеся сохранением дифтонга в позиции перед щелевым согласным *s* (в составе сочетаний согласных) и в третьих слогах в словоформах имен на *-ise-*;

2) южные собственно карельские говоры (паданские, поросозерские, мяндусельские и говоры Центральной России – черный кластер), отличающиеся от предыдущей группы отсутствием дифтонгов в словоформах имен на *-ise-*. На более ранних шагах кластеризации из группы отделяются говоры Центральной России, характеризующиеся утратой дифтонгами второго компонента перед согласным *s* (из сочетания согласных) в глагольных формах. Аналогичная ситуация обнаруживается в формах партитива единственного числа имен на *-ise-* в группе говоров карельского языка Центральной России за исключением северо-восточных толмачевских го-

воров, которые в этом отношении не отличаются от южнокарельских говоров собственно карельского наречия Карелии;

3) ливвиковские говоры, которые объединяет утрата дифтонгом гласного *i* в положении перед согласным *s* и перед показателем стяженных глаголов, при сохранении словоформ на *oi*, *õi* (темно-серый кластер). Из группы выделяется подгруппа южных ливвиковских говоров, в которых *i* выпадает в косвенных падежах имен на *-ise-*, а уже из них подгруппа тулмозерских говоров, утрачивающих дифтонг также в начальных формах этих имен;

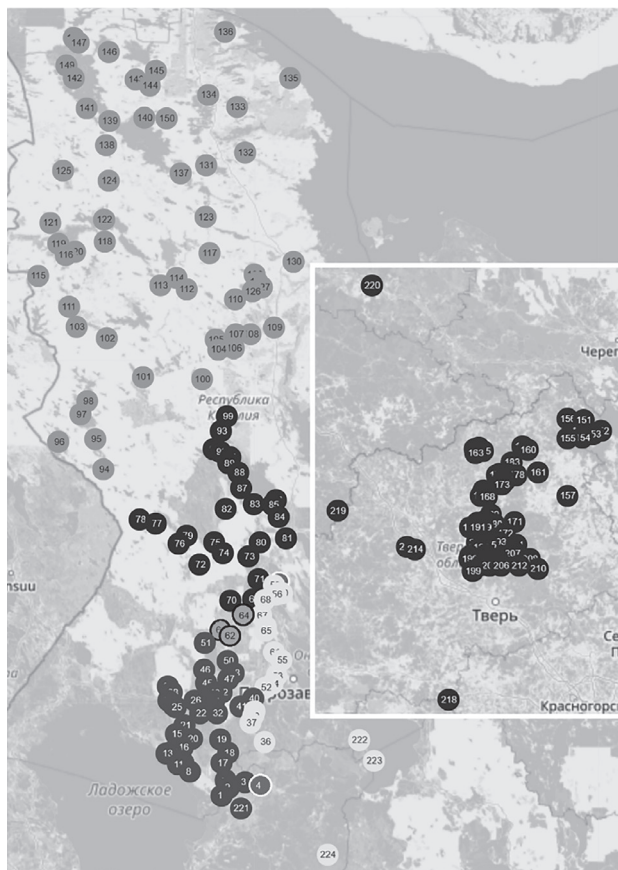
4) группа переходных говоров между второй и третьей группами (Вохтозеро (62), Сяпчезеро (63) и Титнаволок (64)), обнаруживающих черты как южнокарельских говоров собственно карельского наречия Карелии, так и северных ливвиковских говоров;

5) группа людиковских и вепсских говоров, демонстрирующих отсутствие дифтонгов в позиции перед согласным *s* (в ударных и заударных слогах), при их сохранении во всех остальных проанализированных позициях (белый кластер). В группе выделяется подгруппа южно- и среднелюдиковских говоров, отличающихся употреблением трифтонгов и дифтонгов *uo*, *uõ*;

6) группа михайловских говоров (Устье (4), Михайловское (5) и севернолюдиковский говор Лижмозера (59)), характеризующаяся монофтонгизацией сужающихся дифтонгов.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В процессе исследования произведено семь кластеризаций, отражающих рефлексы прибалтийско-финских сужающихся дифтонгов в говорах трех наречий карельского языка, и разработана сводная кластерная карта диалектно-дифференцирующего явления, изоглоссы которой разделили карельские говоры на шесть

Сужающиеся дифтонги в говорах карельского языка
(сводная кластерная карта)

Narrowing diphthongs in Karelian sub-dialects
(composite cluster map)

групп: северную собственно карельскую, южную собственно карельскую, ливвиковскую, переходную между собственно карельской и ливвиковской, людиковскую и михайловскую. Полученные диалектные ареалы членов междиалектных соответствий в области сужающихся дифтонгов в дальнейшем будут использованы при доработке диалектной классификации карельского языка.

ПРИМЕЧАНИЯ

- База данных разработана Н. Б. Крижановской, сотрудником Института прикладных математических исследований КарНЦ РАН. Доступна по адресу: <http://murreh.krc.karelia.ru>.
- Программы по собиранию материала для диалектологического атласа карельского языка // Научный архив КарНЦ РАН: Ф. 1. Оп. 5. Д. 79–166; Оп. 38. Д. 16–170, 261–263, 267, 268, 276; Оп. 43, № 43–74, 116–132, 138, 140, 179–181, 195, 219–225, 274, 275. Петрозаводск, 1937–1973.
- Открытый корпус вепсского и карельского языков (ВепКар). 2009–2022. Доступен по адресу: dictorpus.krc.karelia.ru.
- <http://murreh.krc.karelia.ru/ques/question/2081/map>.
- В работе использованы расшифровки текстов рукописных памятников карельской письменности: словники 1667 и 1668 годов, а также тексты карельско-вепсских (людиковско-вепсских) заговоров середины XVII века.
- <http://murreh.krc.karelia.ru/ques/question/2095/map>.
- <http://murreh.krc.karelia.ru/ques/question/2097/map>.
- <http://murreh.krc.karelia.ru/ques/question/2098/map>.
- <http://murreh.krc.karelia.ru/ques/question/2100/map>.

¹⁰ <http://murreh.krc.karelia.ru/ques/question/2246/map>.

¹¹ <http://murreh.krc.karelia.ru/ques/question/2099/map>.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бубрих Д. В., Беляков А. А., Пунжина А. В. Диалектологический атлас карельского языка. Хельсинки: SUS, 1997. 218 с.
2. Зайцева Н. Г. Очерки вепской диалектологии (лингвогеографический аспект). Петрозаводск: КарНЦ, 2016. 395 с.
3. Лаанест А. Х. Ижорские диалекты: Лингвогеографическое исследование. Таллин: Валгус, 1966. 182 с.
4. Муллонен И. И., Панченко О. В. Первый карельско-русский словарь и его автор афонский архимандрит Феофан. Петрозаводск: ПетрГУ, 2013. 116 с.
5. Мызников С. А. Карельско-вепские заговоры Олонецкого сборника // Русские заговоры из рукописных источников XVII – первой половины XIX века. М.: Индрик, 2010. С. 286–310.
6. Новак И. П. «Глухой» и «звонкий» карельский: диалектные маркеры на кластерных картах // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2022. Т. 44, № 5. С. 54–63. DOI: 10.15393/uchz.art.2022.817
7. Новак И. П., Крижановская Н. Б. Система восходящих дифтонгов в говорах карельского языка Карелии: сравнение методов кластеризации // Вестник угроведения. 2022. Т. 12, № 3. С. 486–496. DOI: 10.30624/2220-4156-2022-12-3-486-496
8. Основы финно-угорского языкознания: прибалтийско-финские, саамский и мордовские языки. М.: Наука, 1975. 347 с.
9. Савельева Н., Муллонен И., Федюнева Г. Карело-русский и коми-зырянско-русский словари-разговорники в рукописном сборнике 1668 года // Linguistica uralica. 2022, 3. S. 250–276. DOI: 10.3176/lu.2021.4.02
10. Iso suomen kielioppi. Helsinki: Suomalaisen Kirjallisuuden Seura. 2008, Verkkoaversio [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://scripta.kotus.fi/visk/etusivu.php> (дата обращения 01.07.2023).
11. Leskinen H. Karjala ja karjalaiset kielentutkimuksen näkökulmasta // Karjala: historia, kansa, kulttuuri. Helsinki: SKS, 1998. S. 352–382.
12. Kettunen L. Suomen murteet. Murrekartasto. Helsinki: SKS, 1940 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://kettunen.fhhost.org/> (дата обращения 01.07.2023).
13. Turunen A. Lyydiläismurteiden äännehistoria II. Vokaalit. Helsinki: SUS, 1950. 266 s.
14. Virtaranta P. Die Dialekte des Karelischen // Советское финно-угроведение. 1972. № 8. С. 1–15.
15. Заиков Р. М. Karjalan kielen murteet. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2017. 36 с.

Поступила в редакцию 01.08.2023; принята к публикации 31.01.2024

Original article

Irina P. Novak, Cand. Sc. (Philology), Senior Researcher, Institute of Linguistics, Literature and History, Karelian Research Centre of the Russian Academy of Sciences (Petrozavodsk, Russian Federation)
ORCID 0000-0002-9436-9460; novak@krc.karelia.ru

NARROWING DIPHTHONGS IN THE KARELIAN DIALECTAL SYSTEM

Abstract. The article reports the interim findings of a study on the dialectal system of the Karelian language. The subject of the analysis is the narrowing *i*-diphthongs in the stressed and post-tonic syllables. The material for the cluster analysis was taken from the relevant sections of the Murreh Karelian Dialect Database, which primarily consists of digitalized working materials of the *Dialectological Atlas of the Karelian Language* (1997). The analysis produced seven cluster maps representing reflexes of the Balto-Finnic narrowing diphthongs in all Karelian supra-dialects: in the position before the consonant combinations *sk* / *šk*, *st* / *št* (in a stressed syllable and an unstressed syllable in verbal word forms), in nominals formed using the word formative suffix **-ise-* (in the initial form, in partitive singular form, and in other oblique cases), in the position before contracted verb marker *-ta* / *-tä*, and at the end of nominal and verbal word forms with the diphthong *oi* / *öi*. For each of these positions, comparisons were drawn with materials from the Veps, Izhorian, and East Finnish dialects, as well as with data from early written Karelian artifacts, creating a retrospective of the formation history of the dialectal differences. A composite cluster map shows the isoglosses of the dialect differentiating phenomenon that segregated Karelian sub-dialects into six main distribution ranges: northern sub-dialects of Karelian Proper, its southern sub-dialects, Livvi sub-dialects, a group of sub-dialects transitional between Karelian Proper and Livvi, a group of Ludic sub-dialects (excluding Mikhailovskoye sub-dialects), and the Mikhailovskoye

group of Ludic sub-dialects. The results of this study are expected to be used for the further refining of the dialectal classification of the Karelian language.

Keywords: Karelian language, dialectology, linguistic geography, dialectometry, cluster analysis, vocalism, narrowing diphthongs

Acknowledgements. The study was conducted with the state financial support provided to the Karelian Research Centre of the Russian Academy of Sciences (project No 124022000089-4).

For citation: Novak, I. P. Narrowing diphthongs in the Karelian dialectal system. *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2024;46(3):21–27. DOI: 10.15393/uchz.art.2024.1020

REFERENCES

1. Bubrikh, D. V., Belyakov, A. A., Punzhina, A. V. Dialect atlas of the Karelian language. Helsinki, 1997. 218 p. (In Russ.)
2. Zaitseva, N. G. Essays on Veps dialectology (linguo-geographical aspect). Petrozavodsk, 2016. 395 p. (In Russ.)
3. Laanest, A. Izhora dialects: A linguo-geographical study. Tallin, 1966. 182 p. (In Russ.)
4. Mullonen, I. I., Panchenko, O. V. The first Karelian-Russian dictionary and its author, Archimandrite Theophane the Athonite. Petrozavodsk, 2013. 116 p. (In Russ.)
5. Myznikov, S. A. Karelian-Veps spells from the Olonets collection. *Russian incantations from the handwritten sources of the XVII – the first half of the XIX centuries*. Moscow, 2010. P. 286–310. (In Russ.)
6. Novak, I. P. “Voiced” and “voiceless” Karelian language: dialectal markers on cluster maps. *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2022;44(5):54–63. DOI: 10.15393/uchz.art.2022.817 (In Russ.)
7. Novak, I. P., Krizhanovskaya, N. B. The system of ascending diphthongs in dialects of the Karelian language: comparison of clustering methods. *Bulletin of Ugric Studies*. 2022;12(3):486–496. DOI: 10.30624/2220-4156-2022-12-3-486-496 (In Russ.)
8. Fundamentals of Finno-Ugric linguistics: the Balto-Finnic, Sami, and Mordovian languages. Moscow, 1975. 347 p. (In Russ.)
9. Saveleva, N., Mullonen, I., Fedyuneva, G. Karelian-Russian and Komi-Zyrian-Russian dictionaries in a hand-written volume dated 1668. *Linguistica Uralica*. 2021;4:250–276. DOI: 10.3176/lu.2021.4.02 (In Russ.)
10. Iso suomen kielioppi. Helsinki, 2008. Available at: <http://scripta.kotus.fi/visk/etusivu.php> (accessed 01.07.2023).
11. Leskinen, H. Karjala ja karjalaiset kielentutkimuksen näkökulmasta. *Karjala: historia, kansa, kulttuuri*. Helsinki, 1998. S. 352–382.
12. Kettunen, L. Suomen murteet. Murrekartasto. Helsinki, 1940. Available at: <http://kettunen.fnhost.org/> (accessed 01.07.2023).
13. Turunen, A. Lyydiläismurteiden äännehistoria II. Vokaalit. Helsinki, 1950. 266 s.
14. Virtaranta, P. Die Dialekte des Karelischen. *Soviet Finno-Ugric Studies*. 1972;8:1–15.
15. Zaikov, P. M. Karjalan kielen murteet. Petrozavodsk, 2017. 36 s.

Received: 1 August 2023; accepted: 31 January 2024